

К вопросу о становлении раннего государства (на примере раннесредневековой Европы)

Проблема понимания и объяснения такого феномена как государство является одной из «сквозных», вечных познавательных проблем социальных наук. Исследователи расходятся в понимании сущности самого явления государства, определении его признаков, правомерности выделения тех или иных стадий развития государства. Нельзя не вспомнить в связи с этим высказывание Х. М. Классена и П. Скальника о том, что «не существует какого-либо определения государства, которое бы разделялось всем научным сообществом» [20, с. 3 (перевод мой – С.С.)]. Особенно много расхождений вызывают вопросы, связанные с проблемой генезиса т.н. «раннего государства», уточнением связи ранних государственных структур с иными институтами традиционных обществ.

В рамках господствовавшей в советской науке методологии исторического материализма государство достаточно четко определялось как основной институт политической системы классового общества, и как «публичная политическая власть, распространяющаяся на все общество... и опирающаяся в необходимых случаях на средства и меры принуждения» [18, с. 69]. Одним из определяющих критериев государственной организации в связи с этим выступала репрессивная составляющая аппарата управления. Рассматриваемый методологический подход основан на положениях т.н. «конфликтной» парадигмы понимания сущности государства [см.: 5], к которой могут быть отнесены как работы основоположников марксизма [10], так и работы М. Вебера [30]. В том, что касается представления о монополии государства на легитимное применение силы в отношении проживающего на его территории населения, наиболее полно выраженного в работах М. Вебера, необходимо отметить, что сходные представления отражены уже в работах дореволюционных отечественных историков государства и права [4, с.239]. Подобный подход к пониманию сущности государства в той или иной форме представлен и во многих западных исследованиях по социальной антропологии [21; 23; 24; 26 и др.].

В настоящее время исследователи высказывают сомнения в правомерности применения такого понимания государства к оценке специфических раннесредневековых государств Европы [1, 2]. В частности, С. А. Васютин отмечает в своей недавней статье, что «взгляд на государственную власть как на институт, в котором узаконено право на применение силы, вряд ли подходит для Средневековья» [1, с.56]. Далее автор, ссылаясь на работы «антропологов», выделяет следующие характерные, по его мнению, черты ранней государственности: «1) переход от этнического к территориальному принципу административного деления; 2) появление наряду с редистрибутивными механизмами и данью налоговой системы (перерастание дани в налоги); 3) из состава дружины, родственников правителей, представителей церкви, крупных землевладельцев и т. д. формируется примитивный аппарат управления (центральный и провинциальный); 4) письменная фиксация обычного права с подчеркнутой ролью короля (вождя); распространение письменного делопроизводства; 5) в Европе становление государства сопровождалось принятием христианства (государственная идеология, которая объединяла этнически разрозненные клановые группы и усиливала сакральный характер верховной власти); 6) сохранение догосударственных институтов (сотенные собрания, суд) и формализация общеплеменных собраний с их постепенным подчинением королю и его окружению; 7) власть рассматривается как собственность семьи правителя, поэтому все мужские представители королевской семьи воспринимались как носители власти, что вело к междоусобным конфликтам, но позволяло обеспечивать преемственность власти в рамках одного клана (одной семьи)» [1, с.56].

Не вполне ясно, по какой причине автор предпочел выделить именно эти признаки, поскольку в работах классиков теории «раннего государства» данный перечень существенно отличается, и включает, помимо прочего, наличие таких признаков, как достаточный суверенитет для поддержания законности и порядка путем использования авторитета и силы, либо угрозы применения силы; а также способность предотвратить сепаратизм и противостоять внешним угрозам [20, с.21]. В отношении названных С. А. Васютиным признаков раннего государства также не ясно, какие из них могут считаться обязательными или достаточными.

Тезис о господстве в рамках государства территориальной организации над этнической не является достижением только лишь современной социальной антропологии, – он хорошо известен отечественным авторам еще из классической марксистской науки [7, с.170]. Необходимо в связи с этим отметить, что границу между этническим и территориальным делением достаточно сложно провести в рамках раннесредневековых обществ, в которых категории родства продолжают играть решающее влияние [20, с.18]. Элементы территориальной организации были характерны и для догосударственных германских общностей – в качестве примера можно привести деление острова Готланд на «трети», или Исландии на «четверти». Территориальный принцип не подменял этнический и на континенте, поскольку на различные германские народы, входившие в состав франкского королевства, распространялся персональный принцип действия права, в соответствии с которым человек, фактически, был, прежде всего, представителем своего этноса, и лишь во вторую очередь – подданным франкского короля. Переход от этнического к территориальному принципу административного деления в эпоху раннего средневековья Европы является скорее исключением, характерным для отдельных государств (например, вестготского королевства VII в. н.э.), чем общим правилом. С. А. Васютин полагает, что англосаксонские королевства «вероятно, только к VII в. трансформировались из племенных вожеств в ранние государства» [1, с.57], однако, не вполне ясно, как соотносить это предположение с тем фактом, что даже в конце IX века король Уэссекса Альфред именуется себя в официальном документе «королем западных саксов» (*Westseaxna cyning*) [15].

Представление о налоговой системе как характерном признаке государственной организации также было вполне свойственно марксистской методологии [8, с.308-309]. Необходимо в связи с этим отметить, что появление наряду с редиистрибутивными механизмами и данью налоговой системы (перерастание дани в налоги) также является процессом, не всегда достаточно четко прослеживаемым на основании определенных признаков [6, с.26; см. также: 29]. Королевский двор даже в рамках франкской империи пользовался, помимо прочего, фактической системой «вейцлы» для обеспечения нужд содержания аппарата. Некоторые налоги, имевшие место в Римской империи, сохранились и в королевстве франков [27; 22], а часть из них трансформировалась в служебную повинность [25], однако, собираемость налогов, по мнению большинства исследователей, неуклонно падала [27, с.316; 30, с.4; 3, с.380]. Уместно отметить также и то, что А. Г. Глебов считает регулярное налогообложение вообще несвойственным раннесредневековым королевствам [2, с.13].

Другой признак, сформулированный С. А. Васютным как «письменная фиксация обычного права с подчеркнутой ролью короля (вождя); распространение письменного делопроизводства», должен быть дифференцирован, поскольку письменная фиксация обычного права и подчеркнутая роль короля в системе общественных отношений – все же явления разного порядка. Письменная фиксация права сама по себе еще не является достаточным свидетельством государственной организации общества, что подтверждается исследованиями Е. М. Штаерман [16; 17], выполненными на историческом материале Римской республики, позволяющими пересмотреть устоявшуюся доктрину о непреложной связи институтов государства и права. В то же время обособление статуса правителя, связанное с формированием представлений о правителе как носителе верховной власти, что «проявляется в первую очередь в ужесточении санкций при покушении на личность или

имущество правителя» [9], действительно свидетельствует об укреплении государственной власти и аппарата государственного принуждения.

Тезис о том, что в Европе становление государства сопровождалось принятием христианства как государственной идеологии, которая объединяла этнически разрозненные клановые группы и усиливала сакральный характер верховной власти, нуждается, прежде всего, в уточнении, что речь идет исключительно о народах северной, центральной и восточной Европы, и является верным, хотя свидетельствует он скорее о вторичном характере «варварских» государственных институтов, складывавшихся, прежде всего, под влиянием культуры Римской империи. Становление ранней государственности в южной Европе, очевидно, происходило в дохристианскую эпоху, а роль государственной идеологии исполняли иные религиозные системы и культовые практики, не сильно отличавшиеся от догосударственных [11].

Следующий признак, согласно которому власть рассматривается как собственность семьи правителя, характерен не только для ранних, но и зрелых государств древности, выступая поводом не только для внутриродовых конфликтов, но и для обоснования различных форм деспотии. Сходные по сути воззрения, однако, могут проследиваться и в рамках догосударственных обществ с традиционной системой господства, в частности – на этапе становления наследственной власти вождя.

Вопрос о сохранении догосударственных институтов (сотенные собрания, суд) и формализации общеплеменных собраний с их постепенным подчинением королю и его окружению в данном случае вообще не является дискуссионным, поскольку вопрос стоит именно о выявлении специфических государственных институтов. Признак формирования примитивного аппарата управления из состава дружины, родственников правителей, и т. д., также не может считаться достаточным признаком становления раннего государства, поскольку данный аппарат оформляется уже в рамках вождеств.

Сторонники представленной выше версии институционального подхода могут обоснованно возразить, что каждый из признаков по отдельности не является достаточным или обязательным, но их совокупность свидетельствует о наличии раннего государства. В связи с этим возникает закономерный вопрос – почему в рамках предложенного подхода не находится места признаку, являющемуся достаточным для выявления государственной организации – монополии государственного аппарата на легитимное применение силы в отношении населения, проживающего на территории данного государства? Необходимо еще раз подчеркнуть, что для выявления государства данный признак может выступать в качестве критерия, который позволяет заменить значительную часть перечисленных выше признаков, имеющих второстепенное значение (приводимый С. А. Васютиным аргумент, основанный на обстоятельствах правления Иоанна Безземельного, является не вполне удачным, поскольку правление Иоанна сопровождалось кризисом легитимности, и передачей ряда полномочий и прерогатив одного государственного органа, – короля, – в пользу другого государственного органа – королевского совета).

В отношении вопроса о типологической характеристике описанных А. Г. Глебовым раннесредневековых обществ [2, с.15], который, безусловно, требует отдельного глубокого исследования, следует отметить, что высказанная автором позиция о схожести отдельных черт раннесредневековых английских королевств и обществ античной эпохи позволяет выдвинуть предположение о переходных социальных моделях, альтернативных (либо предшествующих) государству, но не являющихся специфической моделью государственности [более подробно о таких моделях: 12]. Одной из наиболее перспективных работ, посвященных анализу специфических черт раннесредневековых англосаксонских обществ, которая могла бы послужить методологической основой для дальнейшего изучения проблемы, является, на мой взгляд, работа Р. Карнейро «Шкальный анализ, эволюционные ряды и ранжирование культур» [19], в которой автор рассматривает вождества и раннегосударственные образования англосаксов через призму выработанной им методики ранжирования культур на основании дифференцированного комплекса признаков.

Таким образом, необходимо отметить, что отказ от представления о государстве как социальном институте, обладающим монополией на легитимное применение силы, является несколько преждевременным. Несмотря на то, что концепция «раннего государства» является значительно более гибкой, чем теоретико-методологические модели государства XIX–начала XX века, было бы ошибочно полагать, что концепция «раннего государства» отрицает монополию государственного аппарата на применение силы. Концепция государства М. Вебера по-прежнему сохраняет свое значение, и вполне может быть интегрирована в комплексный подход к пониманию процесса становления раннего государства, выработку которого представляется целесообразным осуществлять с позиций методологического синтеза [13; 14].

Библиографический список

1. Васютин С. А. Основные этапы трансформации политических структур «дофеодальных варварских обществ» в эпоху Великого переселения народов и раннее средневековье / С. А. Васютин // «Средние века». Вып. 68 (4). М., 2007.
2. Глебов А. Г. О некоторых особенностях раннесредневековой государственности в Западной Европе / А. Г. Глебов // Власть, общество, индивид в средневековой Европе. М., 2008.
3. История государства и права. / Под ред. В. А. Томсинова. Т.1. М., 2002.
4. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. Издание 5-е. / Н. М. Коркунов. СПб., 1898.
5. Крадин Н. Н. Политическая антропология / Н. Н. Крадин. М., 2004.
6. Крадин Н. Н. Современные данные о происхождении государства / Н. Н. Крадин // Вестник НГУ. Т.4. Вып.1. История. Новосибирск, 2005.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е издание. Т.21. / К. Маркс, Ф. Энгельс. М., 1961.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е издание. Т.4. / К. Маркс, Ф. Энгельс. М., 1955.
9. Нагих С. И. Нормативная система догосударственного общества и переход к государству / С. И. Нагих // Юридическая антропология. Закон и жизнь. М., 2000. С.32–45.
10. Немецкая идеология. Фейербах / К. Маркс, Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е издание. Т.3. М., 1955.
11. Пенник Н., Джонс П. История языческой Европы. / Н. Пенник, П. Джонс. СПб., 2000.
12. Раннее государство, его альтернативы и аналоги. / Под ред. Л. Е. Гринина, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадина, А. В. Коротаева. Волгоград, 2006.
13. Санников С. В. Методологические аспекты изучения процесса становления ранних форм государства у германских народов / С. В. Санников // Исторический ежегодник. 2008: Сб. науч. тр. / Институт истории СО РАН. Новосибирск, 2008. С.40-54.
14. Санников С. В. Образы королевской власти эпохи Великого переселения народов / С. В. Санников. Новосибирск, 2009.
15. Фрагменты кодекса короля Альфреда (предисловие, перевод и комментарии С. В. Санникова) // История государства и права, № 20. Москва, 2009. С.2-7.
16. Штаерман Е. М. К итогам дискуссии о римском государстве / Е. М. Штаерман // Вестник древней истории. 1990. № 3. С. 68–75.
17. Штаерман Е. М. К проблеме возникновения государства в Риме / Е. М. Штаерман // Вестник древней истории. 1989. № 2. С.76–93.
18. Юридический энциклопедический словарь. М., 1984.
19. Carneiro R. Scale analysis, evolutionary sequences, and the rating of cultures // Handbook of Method in Cultural Anthropology. New York, 1970. P. 834–871.
20. Claessen H. J. M., Scalnik P. The Early State: Theories and Hypotheses // The Early State. Hague, 1978.
21. Earle T. How Chiefs Come to Power: The Political Economy in Prehistory. Stanford, 1997.

22. Fouracre P. Eternal light and earthly needs: practical aspects of the development of Frankish immunities // *Property and Power in the Early Middle Ages*. Cambridge, 2002. P.53-81.
23. Fried M. H. *The Evolution of Political Society. An Essay in Political Anthropology*. New York, 1967.
24. Gellner E. *Nations and Nationalism*. Oxford, 2006.
25. Goffart F. Frankish military duty and the fate of Roman taxation // *Early Medieval Europe*. Volume 16, № 2. P.166-190.
26. Haas J. *The Evolution of the Prehistoric State*. New York, 1982.
27. Murray A. C. *Pax et Disciplina: Roman Public Law and the Merovingian State // From Roman Provinces to Medieval Kingdoms*. London, 2006. P.376-388.
28. *Property and Power in the Early Middle Ages*. Cambridge, 2002.
29. Trouwborst A. *From Tribute to Taxation // Early State Dynamics*. Leiden, New York, 1987.
30. Weber M. *Politik als Beruf* (лекция, 1919).